

<sup>3</sup> Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М., 1936. С. 202.

<sup>4</sup> См. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1904. Т.10. Вятская губерния. С.122–147; Т.21. Пермская губерния. С.122–157; Т.28. Оренбургская губерния. С.72–95; Т.45. Уфимская губерния. С.58–79.

Сафронова А.М.,  
Екатеринбург

### КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ ПЕРВОЙ НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЫ УРАЛА (1735–1787 гг.): пути его формирования, состав, использование

По инициативе начальника казенных заводов Урала и Сибири В.Н. Татищева в Екатеринбурге в ноябре 1735 г. были открыты школы немецкого и латинского языков, ставшие первыми иноязычными школами в крае. Знание немецкого языка, по мысли Татищева, могло открыть русской молодежи доступ к литературе по горнозаводскому делу, которая издавалась в основном на немецком и без овладения которой трудно было стать настоящим специалистом. Много книг – о рудниках, полезных ископаемых, плавке и разделении металлов – было передано Татищевым в библиотеку Екатеринбурга сразу же по прибытии на Урал в 1734 году Татищев надеялся, что появление в Екатеринбурге иноязычных школ сделает его более привлекательным и для немецких специалистов, работавших по контракту, «которые и для того здесь жить не желают, что детей их обучать некому»<sup>1</sup>. Колония же немцев, проживавших в Екатеринбурге в первой половине XVIII в., была большой, наряду с мастерами горного и заводского дела здесь жили лекари, аптекари, торговцы, лица, обслуживавшие своих соотечественников, например, портные.

Первые учителя немецкой школы – Бернгард Штермер, ставший ее ректором, и Иоганн Гейнш – были выписаны в 1735 г. по инициативе Татищева через Кабинет министров из Академии наук, Антон Розе найден в Москве среди бывших учителей Московской школы навигаторов, Андрей Миссет нанят в 1738 г. в Самаре са-

мим Татишевым<sup>2</sup>. Открытию немецкой школы, которое состоялось 8 ноября 1735 г., придавалось такое большое значение, что все уральское начальство во главе с Татишевым присутствовало при начале занятий<sup>3</sup>.

Немецкая школа занимала особое положение среди других учебных заведений горного ведомства. Именно в нее направляли после окончания словесной, арифметической школ или обучения на дому сынов горных офицеров, заводских комиссаров, управителей заводских контор, надзирателей работ со всех казенных заводов Урала, детей канцеляристов, подканцеляристов, протоколистов Канцелярии Главного правления заводов. В нее направляли для обучения дворянских юношей, прибывавших из Тобольска. Пополняли ряды ее учеников и наиболее способные дети мастеров, заводских работников, солдат и других социальных слоев горнозаводского населения. Школа являлась учебным заведением повышенного типа, в ней наряду с чтением, письмом, грамматикой немецкого языка, переводами с русского языка на немецкий и с немецкого на русский изучали математику, основы истории, географии, священного писания.

Немецкая школа сыграла большую роль в распространении знаний немецкого языка среди молодежи Урала, способствовала расширению повседневных контактов с иностранцами. В ее стенах за сравнительно короткий срок были подготовлены собственные кадры переводчиков, которые направлялись к иностранным специалистам не только на уральские заводы, но и в Сибирь.

Неоспорим тот факт, что наряду с мастерством учителя, уровнем его знаний, не меньшее значение в подготовке будущих специалистов играла и учебная литература. Немецкая школа, как и другие учебные заведения горного ведомства: словесные, арифметические школы, латинская, знаменованная, школа пения – имела свои книжные собрания. В немецкой оно было неординарным. В первой половине XVIII в. достать учебные книги на иностранном языке на Урале было невозможно, надо было заказывать в центр. В связи с этим возникает особый интерес к тому, по каким книгам велось обучение, как они поступали на Урал, насколько высока была степень обеспеченности ими учащихся. В литературе имеются лишь упоминания о заказе учебных пособий, называются отдельные издания<sup>4</sup>, поэтому мы и поставили задачу – дать ответы на поставленные вопросы.

Количество книг, имевшихся в библиотеке немецкой школы, и их состав можно определить на основе «росписи» школьных припасов, принятых пастором Лаврентием Сехтингом от учителя немецкой школы Андрея Миссета в 1745 г.<sup>5</sup> «Роспись» была составлена по случаю отъезда Миссета с Урала в Москву. Учителя являлись материально ответственными лицами и в связи с их сменой происходила передача школьного имущества, основную часть которого составляли книги.

«Роспись» имеет 7 граф, где указывалось: 1) название книг, 2) сколько их числилось по списку, 3) было принято Сехтингом от Миссета, 4) оставалось на руках у школьников для обучения, 5) сколько было роздано в свое время Миссетом и кому, 6) сколько «не явилось» у Миссета, 7) отсутствовало в свое время при увольнении ректора Штермера (летом 1740 г.). Благодаря этому «роспись» является для нас ценным источником, содержащим полные и точные данные о количестве учебных пособий, имевшихся в школе, их названиях, «движении» книг, фамилиях пользователей, потерях книг, произошедших за первые 10 лет деятельности школы, виновниках этого.

По нашим подсчетам, книжное собрание немецкой школы включало в себя 299 книг 25 наименований, в том числе одно как на русском, так и на немецком языках, а также 273 экземпляра газеты «Санкт-Петербургские ведомости» на немецком.

Первым заказчиком литературы для будущей школы стал сам начальник заводов Татищев. В первом же доношении в Кабинет министров, отправленном из Екатеринбурга в октябре 1734 г., сообщая о своем намерении открыть немецкую школу, он просил подыскать от Академии наук способного учителя «и неколико потребных к научению книг, за которое деньги от заводов из штрафных и определенных на училища заплатить им мы можем»<sup>6</sup>. Таким образом, самые высокие государственные и научные инстанции призывались поучаствовать в деле обеспечения школы литературой.

В начале 1735 г., 2 января, Татищев составил доношение императрице, в котором сообщил о намерении открыть в Екатеринбурге наряду с немецкой и латинскую школу, в этот же день на заседании Канцелярии Главного правления заводов было принято решение просить Академию наук прислать учителей и купить книги для иноязычных школ. Список книг, необходимых для латинской школы, должен

был составить переводчик, будущий учитель К. Кондратович, подбор литературы для немецкой школы отдавался на усмотрение самой Академии наук<sup>7</sup>. Промемория в Академию о книгах и деньги на их покупку были отправлены в Петербург в середине января с саксонцем гитенмейстером И. Улихом, сопровождавшим в столицу четырех уральцев, посланных обучаться в академическую гимназию. На первый случай посылалось 100 руб., но уральское начальство выражало готовность заплатить за книги и большую сумму «без задержания». 28 марта 1735 г. этот документ был подан в академическую канцелярию<sup>8</sup>.

Уже через три недели, 17 апреля 1735 г., Улих получил на руки первую большую партию книг для екатеринбургских иноязычных школ<sup>9</sup>. Президент Академии И.А. Корф в промемории от 10 мая<sup>10</sup> сообщал уральской канцелярии: выдано «по приложенному при сем реестру» книг на 107 руб. 16 коп., в реестре же числилось, по нашим подсчетам, 187 учебных пособий на немецком и латинском языках: 25 латинских азбук, 50 немецких, 25 немецко-латино-русских лексиконов, 4 экземпляра труда Б. Нейкирха «Наставление, как писать немецкие письма», 10 экземпляров пособия академика Г.З. Байера по истории, «Кастелиновы разговоры», сочинения Вергилия и Горация. Были отобраны для школ и по 10 экземпляров труда Г.Б. Бельфингера на русском и на немецком языках<sup>11</sup>.

Одновременно с заказом книг в Академию наук поручение о их покупке в Москве было дано и гитенфервальтеру А. Порошину, посылавшемуся по делам заводов в Нижний Новгород, Москву и Петербург. 15 января 1735 г. Татищев приказал вписать ему в инструкцию: искать учителя немецкого языка и если «книги в Москве для обучения латинского и немецкого языка потребные недорого купить можно, то оные, по его требованию на пятьдесят человек купя, с ним отправить»<sup>12</sup>.

В апреле 1735 г. Порошин сообщил на Урал о найме учителя Розе, который заявил, что на каждого ученика нужна «азбука немецкая с латинским, катехисмус, новой завет, Фестибулом, Орбис пиктус, вокабула по-немецки, руски и латине, грамматика», но «в Москве толкового числа не сыскать (на 50 учеников – А.С.), а колико и сыскать можно, оные покупаются высокой ценой»<sup>13</sup>. Порошин запрашивал уральскую канцелярию, что же делать, его доношение прибыло на

Урал лишь 2 июня, а сам он в мае выехал в Петербург<sup>14</sup>, отправив в Екатеринбург 257 книг «российской печати», которые прибыли 20 ноября 1735 г. с горным надзирателем А.Хрушовым<sup>15</sup>.

Вероятно, в столице, в палате Академии наук, Порошин закупил дополнительную литературу на иностранных языках, помимо Улиха, заплатив наличными. Во всяком случае в справке, составленной на запрос Генерал-берг-директориума, на какие средства заведена библиотека, в апреле 1737 г. уральские власти показали: «в 1735 году августа 30 и ноября 20 чисел сюда присланы... к обучению немецкого и латинского языка 298 книг ценою на 155 рублей 20 копеек. Российских к чтению 257 книг ценой на 235 руб. 65 коп., всего книг 555 на 390 рублей 85 коп.»<sup>16</sup>. Если эта справка верна, Улих же купил 187 книг на 107 руб. 16 коп., можно предположить, что Порошин купил 111 книг на 48 руб. 4 коп., причем в Петербурге, а не в Москве – оттуда переслались с Хрущевым российские книги.

Список этих книг, закупленных Порошиным, пока не выявлен, но их состав можно реконструировать на основе реестра пособий немецкой школы 1745 г. В нем насчитывалось 299 книг<sup>17</sup>. По нашему мнению, это как раз 298 книг, прибывших на Урал в августе 1735 г. и переданных в школу при ее открытии в ноябре, к которым позже была присоединена «Арифметика» Л. Магницкого «из библиотеки». Поскольку состав партии, выданной Улиху, нам известен, исключив из списка 1745 г. эти книги, можем утверждать, что Порошин закупил следующие: 5 «Вестибулом», 20 «латинских донатов», 20 «грамматик русских с немецким», «лексиконов малых указных к немецкой орфографии» – 2, «Батихерий. фундаментальной устав немецкого языка» – 4, «Штейнбаха. Немецких словесников» – 7, «Говманова дорога композиции» – 3, «Корнелиус Непус» – 3, «Курциус Руфус» – 2, «Юстинус Экспликатус» – 2, «Эсис краткое введение к шветской истории» – 2, «книга гисторическая о войнах и воинах» – 1, «катехисмусов немецких» – 20, «новых заветов немецких» – 20, итого 111 книг. По-видимому, Порошин и отправил на Урал обе партии, купленные Улихом и им самим, так как в январе 1735 г. инструкцией ему поручалось: в столице, «книг...приняв (от Улиха – А.С.), отправить немедленно сюда»<sup>18</sup>. Поэтому, видимо, книги и прибыли одновременно. Заметим, что все они были переданы на хранение в немецкую школу (хотя часть их предназначалась для латинской), по этой при-

чине они и не попали в каталог главной екатеринбургской библиотеки, хранителем которой был учитель латинской школы, пастор Сехтинг.

Поскольку в списке книг 1745 г. их названия кратки, не всегда указаны авторы или, наоборот, упоминаются лишь авторские фамилии без названий, мы попытались провести их атрибуцию, опираясь на каталоги книг, изданных в России в XVIII в.<sup>19</sup>, и литературу. Использовались также список книг немецкой школы, числившихся на руках у читателей в 1740 г., справки о цене утерянных пособий, список книг, посланных Татищевым из Самары на Урал в 1737 г., каталог книг Екатеринбургской горной школы 1788 г., к которой перешли книги немецкой. Последний был опубликован новосибирским исследователем Л.А. Ситниковым<sup>20</sup>. Просматривались и сами книги немецкой школы, представленные частично в настоящее время в библиотеке Свердловского областного краеведческого музея.

Для усвоения начал языков в немецкой школе имелось 50 немецких Азбук, 25 латинских, 20 латинских «Донатов», 5 «Вистибулум», 50 «Фокабулей на латинском, немецком и русском языках», 20 «грамматик русских с немецким».

«Донаты» и «Вистибулум» – это учебники для освоения азов латинского языка (по латыни *vestibulum* означает вступление, введение), между прочим, школьников в немецкой школе учили писать и на латинском языке, 13 экземпляров книги Рения – M.J. Rhenii. *Donatus latino-germanicus* имеются сейчас в библиотеке музея.

Вокабулы – это не что иное, как издание И.Ф. Копиевского, известного деятеля просвещения России первой четверти XVIII в. – «Вокабулы или речи на славянском, немецком и латинском языках». Первое издание под названием «Номенклатор» вышло в Амстердаме в 1700 г., в дополненном виде под новым названием «Вокабулы» переиздавалось в Санкт-Петербурге в 1718, 1720 гг. В третьем издании 1720 г. текст занимал около 100 страниц, давался в трех столбцах на трех языках и включал 46 тем: «О Бозе и душе», «О мире, стихии и небеси», «О временах и днях праздничных», «О воде», «О местах и землях», «О человеке и его частях», «О болезнях и немощах», о животных, растениях, деревенской жизни, географических понятиях, домашней утвари, о школе, книге и прочем<sup>21</sup>. Тираж в 600 экземпляров, безусловно, разошелся, и Порошин мог приобрести для ураль-

ских школ лишь четвертое издание, вышедшее в 1732 г. в типографии Академии наук под названием «Латинороссийская и немецкая словесная книга»<sup>22</sup>, но поскольку именно под названием «Вокабулы» книга стала знаменитой в России, ее так и продолжали называть в списках литературы. Наше предположение подкрепляет и тот факт, что в списке книг, посланных Татищевым из Самары в 1737 г., числилось 7 экземпляров книги издания 1732 г. под названием «Вокабулариум русский, латинский, немецкий».

В качестве Грамматики, вероятно, использовался учебник, написанный учителем гимназии при Академии наук М. Шванвицем – «Немецкая грамматика, собранная из разных авторов и в пользу Санкт-петербургской гимназии вторым тиснением изданная» в типографии Академии в 1734 г. Этот учебник был единственным в своем роде до 1762 г., когда появилась более краткая грамматика М.И. Агентова, учителя гимназии Московского университета. С 1730 г. грамматика Шванвица выдержала пять изданий (3, 4 и 5-е – в 1745, 1762, 1791 гг.)<sup>23</sup>

Словарная литература была четырех разновидностей: «лексиконов малых» (с пояснением – «указные к немецкой орфографии») числилось два, «Бахетерий. Фундаментальный устав немецкого языка» ... 4 экземпляра, «Штейнбах. Немецких словесников» – 7 экземпляров. В каталоге личной библиотеки Татищева под № 532 фигурирует книга Бедекера «Основы немецкого», изданная в Берлине в 1709 г.<sup>24</sup>, по-видимому, такой же учебник был куплен и для немецкой школы. В описи 1788 г. эти 4 книги фигурируют под № 303 как «Буденерий. Основание немецкого языка». В этой же описи 1788 г. числятся 4 экземпляра «Штейнбаха. Немецкой словарь», поэтому логично предположить, что под «Немецкими словесниками» подразумевался немецко-латинский лексикон Х. Штейнбаха, пользовавшийся популярностью в Европе. По экземпляру этого словаря, изданного в 1734 г. в Бреславле, приобрели М. Ломоносов и Д. Виноградов в 1736 или 1737 гг. в Германии и пользовались им при обучении у профессоров университета в Марбурге<sup>25</sup>. В областном музее сохранилось два экземпляра этой книги – С.Е. Steinbach. Deutsches Worter Buch Lexicon latino-germanicum secundum methodum grammaticae... Breslau, 1725.

25 «лексиконов на латинском, немецком и русском языке» – не что иное, как знаменитый «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами рускаго языка» Э. Вейсмана (1641–1717), изданный

«к общей пользе» Академией наук в 1731 г. тиражом 2500 экземпляров. Словарь имел большой объем – 840 стр. – и стоил довольно дорого – 2 руб. 75 коп. За 25 экземпляров Улих уплатил 68 руб. 75 коп., более половины привезенных в столицу денег. Этот словарь пользовался в России популярностью на протяжении всего XVIII в. и был переиздан Академией наук в 1782 и 1799 гг.<sup>26</sup> По сведениям С.П. Луппова, к словарю была приложена русская грамматика – «Anfangs-Grunde der russischen Sprache» («Первые основания российского языка»), составленная В.Е.Адодуровым<sup>27</sup>.

Не менее известным был и труд Б. Нейкирха (1665–1729) «Наставление, как писать немецкие письма» (B. Neukirch Anweisung zu Teutschen Briefen. Leipzig, 1721), 4 экземпляра которого приобрел Улих. Примечательно, что по тому же «Наставлению», одновременно с екатеринбургскими школьниками, обучался в Европе науке написания писем и Ломоносов, купивший в Марбурге немецкое издание 1709 г.<sup>28</sup> Все 4 экземпляра Нейкирха были налицо и в 1788 г.

Часть книг немецкой школы предназначалась для начального обучения латинскому языку. Это 3 экземпляра книги Гофмана «Дорога к композиции» (G. Hoffmann. Composition Der Lateinischen Sprache. Leipzig, 1732) и «Кастелионовы духовные разговоры».

Значительную часть собрания немецкой школы составляли книги по истории. В качестве основного пособия использовалось 10 экземпляров «Штатских древних гисторей». Это учебник по истории, написанный академиком Г.З. Байером для юного Петра II и изданный на немецком языке в 1728 г.: «Auszug der alteren Staatsgeschichte...»<sup>29</sup>.

В двух экземплярах имелся и другой труд – «Энсис. Краткое ведение к шветской гистории». В справке 1740 г. о цене утраченных книг дается более правильное название: «Эсихс или краткое ведение к светской гистории» (издана в Штудгарте в 1721г.)

Среди книг был и «Юстинус Экспликатус» в двух экземплярах, в каталоге 1788 г. под № 299 обозначенный как «Толкование Юстиния». Это труд Юстина, римского историка II в., представлявший собой переработку сочинения Трога Помпея «Historiae philippice»<sup>30</sup>. Татищев широко использовал этот труд при написании «Истории Российской».

Под «Книгой гисторической о войнах и воинах», по нашему мнению, имелось ввиду сочинение Юлия Цезаря, римского диктатора и

полководца I в. до н.э., автора «Записок о галльской войне» и «Записок о гражданских войнах». Труд «Ценера Гисторический лексикон о войнах и замирениях», фигурировавший в списке 1788 г. под № 327, и есть, видимо, это издание, Ценер – искаженное Цезарь.

Название сочинения древнеримского историка I в. до н.э. Корнелия Непота в росписи 1745 г. отсутствовало, значился лишь автор – «Корнелиус Непус», в росписи Сехтинга отданным книгам 1740 г. упоминался «Лексикон. Корнелий Непот» – возможно, так был назван его труд «Жизнеописания полководцев» или «Жития славных генералов». В личной библиотеке Татищева это сочинение имелось в издании 1723 г. (№ 316), оно было прислано ему в 1730 г.<sup>31</sup>

Имелся в немецкой школе и «Курциус Руфус» в двух экземплярах – труд римского историка I в. Квинтуса Курция (Руфа Квинта) «История Александра Великого». Эта книга об Александре Македонском была популярна в России, достаточно сказать, что с 1709 по 1725 г. она переиздавалась на русском языке пять раз<sup>32</sup>. Улих приобрел эту книгу на немецком.

Эти исторические труды дополняли сочинения древнеримских поэтов I в. до н.э. Под № 21 числится «Виргили Маронис опера» в I экз. – сочинения Вергилия Варона Публия, жившего в 70–19 гг. до н.э., свидетеля крушения Римской республики. Возможно, среди поэм Вергилия был и героический эпос «Энеида» – о странствиях троянца Энея, считающийся вершиной римской классической поэзии. (4 тома трудов Вергилия числилось в 1788 г. под № 247; в списке розданных книг 1740 г. назывался «Еклогв Вергилива»). В распоряжении учеников немецкой школы имелись и сочинения современника Вергилия – Горация (65–8 в. до н.э.), трактат которого «Наука поэзии» стал теоретической основой классицизма.

Замечательно, что в екатеринбургскую школу попала и книга педагогического характера, составленная академиком Г.Б. Бильфингером (1693–1750) как методическое руководство по обучению малолетнего императора Петра II. Она была написана на немецком языке, переведена на русский адъюнктом Академии наук В.Е. Адодуровым и издана в академической типографии не ранее 1731 г. на русском и немецком языках под названием «Расположение учении е.и.в. Петра Второго». Тираж на русском языке составлял 1200 экземпляров, вероятно, столько же и на немецком. Объем книги был небольшим – 82 страни-

цы в восьмушку<sup>33</sup>. В библиотеке немецкой школы имелось по 10 экземпляров этой книги как на немецком, так и на русском языках. Интересно отметить, что в 1788 г. под № 314 числилось 11 пособий на немецком и всего 2 на русском, видимо, книга на русском пользовалась большой популярностью и ее «зачитали», либо отправили в школы на Колывано-Воскресенские заводы с партией книг в 60-е гг. XVIII в. С.П. Луппов отмечал: «Автор придерживался передовых взглядов того времени, отстаивал наглядность обучения, разносторонность образования (гуманитарные и естественные науки) с широкой программой обучения»<sup>34</sup>.

Были в немецкой школе и книги религиозные – 20 Катехизисов на немецком языке и 20 Новых Заветов. В списке 1788 г. Новый завет числился под № 349 уже в меньшем количестве, 15 экземпляров, указывался и автор – «Лутерий».

В единственном экземпляре имелся в немецкой школе «Арифметик российской, принятой из библиотеки», под которым подразумевалась знаменитая «Арифметика» Леонтия Магницкого, написанная учителем Московской школы навигаторов и изданная впервые в 1703 г. По этому учебнику стали овладевать математикой ученики немецкой школы после прихода в школу Миссета, обязавшегося по контракту вести эти занятия одновременно с занятиями языком.

Особое место в книжном собрании школы занимали 273 экземпляра «немецких Ведомостей». Они были выданы из книжной палаты Академии наук в составе двух партий литературы в 1735–1736 гг., в счете палаты расписаны более подробно: «немецкие и русские Ведомости и Примечания с 735 г.» (ценою 4 руб.), «русские да немецкие Ведомости 736 году» (за 5 руб.), «1 Примечании» (1 руб.)<sup>35</sup>

«Санкт-Петербургские ведомости» («St. Petersburgische Zeitung») – это вторая после петровских «Ведомостей» газета в России, издававшаяся Академией наук с 1727 г. на немецком, а с 1728 г. параллельно и в переводе на русский язык. Источником зарубежных известий служили немецкие, французские, голландские газеты, российские новости сообщались собственными корреспондентами. Многие номера имели «суплементы» – «прибавления», в которых печатались тексты законов, сообщения о важнейших событиях. Во главе немецкого издания стоял академик Г.Ф.Миллер. Газета выходила дважды в неделю по почтовым дням, состояла из 8 полос, номер стоил 4 коп..

годовой комплект из 104-х номеров – 4 руб., сумму довольно значительную<sup>36</sup>.

В «Прибавлениях» за 1735 г. можно было прочесть речь английского короля Георга II о возможности войны, произнесенную в английском парламенте, обращение парламента к королю по этому поводу; сообщение Камер-коллегии о строительстве в столице нового гостиного двора и реставрационных работах в старом дворе. «Прибавления» к газете за 1736 г. были посвящены событиям начавшейся русско-турецкой войны, публиковались такие документы, как письмо графа Остермана к турецкому визирю с извещением о начале войны, известия об успешных действиях русской армии – взятии Перекопа и вступлении русских войск в пределы Крыма. В «Супплиментах» за 1737 г. наряду с сообщениями о действиях войск под руководством Миниха и Ласси имелись известия о подавлении восстания башкир, о новых торговых путях в Оренбург и Ташкент, «ведомости» от российского резидента в Иране и др.<sup>37</sup>

В 1728–1742 гг. «Ведомости» сопровождались бесплатными «Примечаниями» на русском, с 1729 г. и на немецком языках. «Примечания» к «Ведомостям» занимали 8 страниц и примыкали к номеру газеты. Читатель получал одновременно газету и журнал и, как отмечает А.В. Западов, это было единственное в своем роде «явление, позже не наблюдавшееся в русской журналистике»<sup>38</sup>. По мнению П.Н. Беркова, «Примечания» можно считать не просто первым российским журналом, но и первым в нашей стране литературным и научно-популярным периодическим изданием. В нем можно было прочитать известия о деятельности Академии наук, открытии библиотеки, изданных ею книгах, статьи академиков: по математике и астрономии – И.В. Крафта, по философии – его же и Я.Я. Штелина, по химии – Г.В. Рихмана, палеонтологии – И.Г. Гмелина, а в его изложении – и В.Н. Татищева, по истории – Г.Ф. Миллера. В журнале печатались переводы В.К. Тредиаковского, серии статей по истории и теории драматического и поэтического искусства, в 1729 г. появилась первая на русском языке рецензия на книгу по экономическим вопросам. В апреле 1736 г. издание журнала по неизвестным причинам было приостановлено и возобновилось лишь через полтора года, а в 1742 г. преклось. Но даже через 12 лет после этого, как отмечает П.Н. Берков, любители разыскивали комплекты журнала, поэтому в 1765, 1766 гг.

он был переиздан в Москве в сокращенном варианте, а в 1787–1791 гг. – еще дважды, самой Академией наук<sup>39</sup>.

Ясно, что в распоряжении учеников екатеринбургской немецкой школы оказалась периодика, являвшаяся не только прекрасным пособием для изучения языка, но и источником разнообразных сведений по астрономии, естествознанию, химии, зарубежной и российской истории, литературе и т.д. Если учесть, что в год выходило 104 номера газеты, в школе имелись «*St. Petersburgische Zeitung*» почти за 3 года, журналов же, примыкавших к газете, из-за приостановки их издания в апреле 1736 г., было меньше.

Как нам удалось установить, в 1739 г. Академия наук переправила на Урал «российские и немецкие ведомости и примечания...во учрежденные тамо школы» через Генерал-берг-директориум, за которые в апреле 1740 г. директориум перечислил ей 10 руб. за счет заводов<sup>40</sup>.

В целом можно сказать, что состав учебной литературы в немецкой школе был неплохой, к тому же, как показывает содержание ведомостей об успехах учащихся и их аттестатов, помимо школьного собрания к их услугам были и книги главной Екатеринбургской библиотеки горного ведомства, которая являлась одной из уникальных библиотек российской провинции как по количеству книг на иностранных языках, так и по их составу. К тому же в Екатеринбургскую казенную библиотеку в июне 1737 г. влилось и личное собрание книг самого Татищева. Как нам удалось установить, учителя пользовались книгами Татищева, брали их для самообразования, использовали и в учебном процессе, в первую очередь в школе знаменования.

В конце октября 1736 г. по инициативе Татищева уральское начальство постановило: школьников, обучающихся немецкому, обучать арифметике, геометрии и рисованию «по немецким книгам», «дабы выученого не забывали, но более могли натверждатца». Вместо учителя арифметической школы Санникова, не знавшего немецкого, эти занятия поручались выпускнику столичной школы барону фон Палену<sup>41</sup>. Поскольку «немецкие» математические книги в первых партиях, полученных из Академии наук, отсутствовали, предполагалось, видимо, использование книг из личной библиотеки Татищева.

Большая партия книг для иноязычных школ была прислана Татищевым в 1738 г. из Самары. Обстоятельства их поступления в Екатеринбург таковы. В ноябре 1737 г. ректор немецкой школы Б. Штер-

мер сделал большой заказ литературы для своих учеников<sup>42</sup>. Он просил уральское горное начальство закупить 50 немецко-русских Грамматик, 50 немецко-русских Разговорников, 50 больших немецких Библий, 20 экземпляров новейшего издания Географии Гибнера, 10 экземпляров атласов, состоявших из 18 ландкарт, по 3 календаря на 1738 год на немецком и русском языках, по 3 экземпляра книг – «Вензова. Политической ритор», «от Бидерманова», «от патриотова», «от мудрой прорицательницы», «от аглинского надзирателя» с припиской: «сколько донныне издано и достать можно».

Штермер заказал также по экземпляру «от всех авторов школьных по-немецки своими исследованиями и речами, Кнолова или иного другого изрядного автора перевод». На наш взгляд, имелись ввиду переводы с латинского на немецкий язык сочинений античных классиков. Штермеру хотелось бы иметь «немецкие и русские Ведомостей и Примечания от 1733 до 1738 сполна» и «новейшия росписи книг», т.е. периодику и каталоги книг, издаваемых в типографии Академии наук. Без сомнения, это был самый большой заказ литературы за весь период деятельности горнозаводских школ, ни один из учителей не решался просить так много. Характерна приписка Штермера в конце документа: «Ежели и еще иные немецкие ш[к]ольные книги при Академии наук изданы, то можно от всякого издания по 20 экземпляров прислать».

Наряду с руководством заводами на Татищева в 1737 г. была возложена обязанность начальника Оренбургской экспедиции вместо умершего И. Кирилова, в июне он отбыл в Самару. Уральское начальство переслало туда копию с заказа Штермера, чтобы Татищев, если книги «надобны явятся», сам требовал их присылки от Академии наук или поручил канцелярии заказать книги Генерал-берг-директориуму<sup>43</sup>. Татищев и Хрушов 24 декабря 1737 г. вынесли такое решение: «справиться здесь (т.е. в Самаре – А.С.) с книгами, если которые сысчются, те отпустить, а роспись книгам рассмотреть новому учителю, когда в Екатеринбург прибудет, и что надобно будет для школ книг, подать ему от себя роспись»<sup>44</sup>.

Дело в том что накануне к Татищеву обратился из Москвы немец, студент И. Герварт, с просьбой принять учителем математики, музыки, танцев в екатеринбургскую школу, Татищев представил о том конторе Генерал-берг-директориума в Москве и надеялся на заклю-

чение ею контракта с новым учителем<sup>45</sup>. Он строил большие планы в отношении немецкой школы, поэтому и приказал навести справки о книгах, имевшихся в Самаре. К тому же Татищев знал, что учитель латинской школы Кондратович еще ранее, в июне 1737 г., также требовал новых пособий для своих учеников.

Ровно через два месяца, 24 февраля 1738 г., большая партия книг, 167 названий, передавалась на хранение в главную библиотеку, под присмотр библиотекаря Сехтинга. Список их имел такое заглавие: «Роспись из Самары в Екатеринбург к тамошним школам отправляющих книг, выписаны из Оренбургского поселения, надлежащих книг»<sup>46</sup>. Краткая характеристика этой литературы давалась И.А. Гузнер<sup>47</sup>, но причины отправки книг на Урал ей оставались неизвестны.

М.Г. Новлянской, исследовавшей деятельность Кирилова, приводились данные о заказах книг в Академию наук для Оренбургской экспедиции, она справедливо связывала эти заказы с намерением Кирилова открыть в Оренбурге школу для обучения детей – ряд книг имел большую экзemplярность<sup>48</sup>. Оренбургское поселение было основано Кириловым в 1735 г., школа, судя по составу литературы, могла стать новым крупным центром изучения иностранных языков на Урале, но смерть Кирилова помешала этому, а Татищев решил использовать эти книги в пользу екатеринбургских школ. По прибытии на Урал книги поступили на хранение в главную библиотеку, в ведение Сехтинга, откуда могли выдаваться по требованию учителей.

В немецкую школу должны были поступить и пособия, полученные четырьмя уральцами, обучавшимися по инициативе Татищева в 1735–1739 гг. в Санкт-Петербурге, в гимназии при Академии наук. Из академической книжной палаты гимназисты получали книги, цена которых ставилась на счет заводов, поэтому они подлежали отправке на Урал вместе с выпускниками. Указом Генерал-берг-директориа от 28 февраля 1739 г. предписывалось: «книги отдать для употребления всем в школу ж и записать их в приход»<sup>49</sup>. Книги прибыли в Екатеринбург с комиссаром Терпигоревым и школьниками 30 июля 1739 г., но местное начальство передало их в главную библиотеку, как и партию литературы из Самары,<sup>50</sup> справедливо рассудив, что так будет надежнее.

Запас литературы, находившейся в непосредственном распоряжении учителей немецкой школы, был достаточен, и можно говорить

об относительно высокой степени обеспеченности ею учащихся, если учесть, что в 1735 г. их было 21, в 1736–1737 гг. – 40–41, в 1738 г. – 37 человек, в 1745 – всего 12, в 1747 – 15, 1749 – 21 ученик.

В те времена, как и сейчас, находились читатели, не сдававшие вовремя книги в библиотеку, увозившие их с собой к новому месту назначения, в связи с чем проводились кампании по розыску должников и возвращению книг. Благодаря этим кампаниям мы и получаем ценную информацию о вместимости книг, формах их выдачи, читателей.

Первая тревога по поводу взятых и не возвращенных книг была поднята хранителем библиотеки горного ведомства Лаврентием Сехтингом, который 19 мая 1740 г. подал рапорт в Канцелярию Главного правления заводов о книгах, взятых из библиотеки и не возвращенных, несмотря на его неоднократные напоминания<sup>51</sup>. Среди должников числились и учителя латинской, немецкой школ К. Кондрагович, Б. Штермер, А. Миссет. Решение по рапорту было принято уже 21 мая, в отношении Штермера, контракт с которым заканчивался летом 1740 г., предписывалось выяснить, сколько книг он в свое время получил от канцелярии для обучения детей, все их немедленно принять по росписи учителю Миссету, справиться об отсутствующих книгах – кому выданы, не утеряны или не вывезены ли кем из Екатеринбурга<sup>52</sup>.

Лишь по прошествии трех с лишним месяцев, 2 сентября, Штермер отреагировал на присланный к нему указ канцелярии, причем довольно резко: «я никаких книг из канцелярии не принимал и росписок моих в приеме нигде не имеетца, да и указу такого, чтоб мне их принимать, у меня не было... да и по контракту я не обязывался, чтоб мне над книгами надсматривать»<sup>53</sup>. Из доношения Штермера следует, что книги в школе хранились в шкафу. Первые учебники раздавал ученикам сам член канцелярии Игнатий Юдин, отвечавший от имени начальства за деятельность школ. Он же владел и ключом от шкафа, потом ключ хранился у подканцеляриста Носкова, у старшего ученика Петра Степанова, а по прибытии Миссета был передан ему. Андрей Миссет приступил к преподаванию в июне 1738 г., значит с этого времени он и выдавал учебные пособия. Штермер упомянул, что его напарники тоже раздавали учебные книги – учителя Иоганн Гейнш и Антон Розе. Оба скончались в Екатеринбурге, не выдержав, видимо, сурового уральского климата – первый умер в июне 1737 г., второй – в декабре.

Как ясно из доношения Штермера, выдачу пособий он не контролировал, хотя и числился по контракту ректором немецкой школы, т.е. старшим среди учителей. Отличаясь большой капризностью, манкировал записью выданного, поэтому книги школы до прихода Миссета и оставались без должного присмотра: как известно, «у семи нянек – дитя без глаза».

Буквально на следующий день после Штермера Миссет подал в канцелярию рапорт «О книгах, которые при немецкой школе имеются ныне налицо и кому ректором Штермером отданы и развезены, також что из них утрачено»<sup>54</sup>. Поскольку в немецкую школу были переданы на хранение все книги, купленные в 1735 г. в столице для обеих иноязычных школ, учитель латинского языка К. Кондратович в 1740 г. имел на руках 32 книги из немецкой школы: Вокабулов 21, Азбук латинских 8, Донатов 1, «Юстин» 1, Лексикон 1. 30 изданий находились на руках у 12 выпускников немецкой школы и одного учащегося (от одной до семи книг у каждого), в том числе 7 латинских Азбук, 4 Грамматики, 1 Вокабулы, 1 «Вестибулом», 5 Новых Заветов, 2 Катехизиса, 8 Лексиконов и 2 «Истории» Байера.

11 книг ни на ком не числились, в школьном собрании отсутствовали, т.е. были утеряны: Эсига «краткое введение к свецкой истории», 6 экземпляров Вокабул, по 1 экземпляру Грамматики, Азбуки немецкой и латинской, «Вестибулом».

Уральское начальство, получив рапорт Миссета, в мае 1740 г. предписало вернуть все книги в библиотеку, кроме Вокабул, Грамматик и Лексиконов, эти книги разрешалось оставить на руках у бывших учеников с взысканием за них денег<sup>55</sup>. Только в феврале 1741 г., наведя справки о месте нахождения выпускников, канцелярия начала хлопоты по возвращению книг. Документы об этом имеют для нас особый интерес, так как дают представление о круге пользователей книжного собрания вне стен школы, профессиональном составе держателей книг, населенных пунктах, в которых книги пребывали на протяжении довольно длительного времени, где у них могли появиться и новые читатели.

Выясняется, что семеро выпускников школы в 1741 г. трудились в Екатеринбурге. Петр Степанов имел на руках латинскую Азбуку, немецкую Грамматику, Лексикон; Афанасий Кичигин – Лексикон, Новый Завет, «Статцкую древнюю историю» Байера; Николай

Красильников – Грамматику и Вокабулы; Василий Бурцев – латинскую азбуку и Новый Завет; Афанасий Попов – Азбуку, Федор Пахорук – Грамматику, Асаф Розе – Катехизис. По-видимому, они пытались овладеть азами латыни и совершенствовать немецкий. Казначейской конторе завода предписывалось удерживать у них деньги при выдаче жалованья за Лексиконы, Грамматики и Вокабулы, а Миссету – «отобрать» у них прочие книги в школу<sup>56</sup>. К сожалению, известна должность лишь Кичигина – он был маркшейдерским учеником.

Большая часть книг оказалась вывезенной из Екатеринбурга. Так, выпускник 1738 г., сын стольника Александр Теряев вывез в Самару в Оренбургскую комиссию Лексикон Вейсмана и латинскую Азбуку. Уральское начальство просило главу комиссии князя Урусова вернуть Азбуку и взыскать с Теряева 2 руб. 75 коп. за Лексикон. Выпускник того же года Илья Дягилев, сын протоколиста, определенный маркшейдерским учеником при немце Вагнере, увез на Алапаевский завод такие же книги, и в Алапаевскую контору послали указ о взыскании с него денег и Азбуки. Закончившие обучение в 1739 г. сын подканцеляриста Иван Мелентьев и сын мастера Панкрат Углев вывезли на Полевской завод Лексиконы, Мелентьев обучался там у саксонцев пробирному делу, Углев же был переводчиком при штейгере Асмане, он прихватил с собой и Новый Завет<sup>57</sup>.

Вывозились книги и на территорию пермского края. Так, сын комиссара Осип Стадухин, выпускник 1738 г., служил в 1740 г. на Висимском заводе при гитенмейстере Фритче (видимо, переводчиком), куда привез три книги – Лексикон, латинскую Азбуку и Новый Завет. Сын же управляющего Пыскорским заводом Михаил Калачев, уехав в отпуск к отцу, забрал все книги, по которым занимался в школе: латинскую Азбуку, «Вестибулум», Грамматику, Лексикон, «Историю» Байера, Новый Завет и Катехизис. Пермскому горному начальству поручалось вернуть со Стадухина книги и деньги за Лексикон, Калачева же выслать в Екатеринбург с книгами «в самой скорости». Трудившиеся на Полевском заводе Углев и Мелентьев заявили управляющему, что «Лексиконы взяли у Миссета на время для переводов при мастерах саксонцах и для тверждения наук, чтоб не забыть, и ныне оныя...им не надобны», поэтому просили вернуть их в канцелярию и деньги не взыскивать. Видимо, собственное жалованье было небольшим, цена же книги (2 руб. 75 коп.) «тянула» более

чем на 10 пудов говядины, поэтому бывшие школьники решили расстаться с книгами, Мелентьев вернул и Новый Завет. Контора сообщила, что Углев залил чернилами Лексикон со 171 страницы до 285 на полях, «токмо до слов не дошло и речей не зачернено», поэтому уральское начальство разрешило принять книгу в школу Сехтингу, а с Миссета «выключить»<sup>58</sup>.

Со Стадухина Висимская контора взыскала Азбуку и Новый Завет, Пермское начальство в марте переслало эти книги в Екатеринбург с пробирным учеником, деньги же за Лексикон были внесены в долговую книгу. Калачева указ начальства дома не застал, он уже отбыл в Екатеринбург, оставив часть книг у отца на Пыскоре<sup>59</sup>.

Несмотря на строгие предписания начальства, кампания по сбору книг в 1741 г. так и не была завершена. Осенью 1745 г. в связи с отъездом Миссета в Москву, в свой дом, где он не был 19 лет, ему предписывалось сдать все школьное имущество назначенному на его место Сехтингу<sup>60</sup>. В «росписи» припасов школы 1745 г.<sup>61</sup> продолжало фигурировать семеро из 13 должников. Из 25 Лексиконов Сехтинг принял лишь 18, по-прежнему они числились на Теряеве, Дягилеве, Стадухине, Степанове, за прошедшие годы появилось еще два должника. Лексикон получил Семен Аистов, бывший переписчик переводов, выполнявший Кондратовичем для «Истории» Татищева, его с 1736 г. параллельно переписке книг учили немецкому и латинскому языкам. Пользователем Лексикона стал и лекарь екатеринбургского госпиталя немец Шнезе.

Из 50 немецких Азбук налицо оказалось только 38: ректор утерял 4, Миссет -2, выдано было 6. Судя по фамилиям держателей Азбук, это были аптекарь (Х. Мендерс) и ученики школы 1741–1744 гг. (И. Бородин, П. Стуков, П. Никифоров, М. Гилев, прапорщик И. Баженов). По-видимому, немец Мендерс взял Азбуку для обучения своего ребенка, а с распределенных к делам в 1744 г. учеников учитель запомнил вернуть ранее выданные книги. Восемь Грамматик числились на руках у обучавшихся школьников.

У екатеринбуржцев с 1741 г. так и не были вычтены деньги за Лексиконы и Грамматики, видимо, потому, что указ об этом не отослали из канцелярии в казначейскую контору. Красильников из Екатеринбурга уже отбыл в Пермь, трудился подканцеляристом в конторе судебных и земских дел. Калачев по прибытии из отпуска в 1741 г. вернул

лишь Лексикон, Грамматику и «Вестибулом», а Новый Завет, Катехизис, латинскую Азбуку и «Историю» Байера увез с собой в Москву, к новому месту назначения. Уральское начальство в 1745 г. вынуждено было просить Берг-коллегию о посредничестве в возврате книг, но местонахождение Калачева и коллегии было неизвестно. Лишь в сентябре 1746 г. ей удалось взыскать 1 руб. 5 коп. за книги с отца бывшего школьника, гитенфервальтера А. Калачева, явившегося по своим делам к столичному начальству<sup>62</sup>.

Книги, испорченные читателями, назад не принимались, за них требовали деньги. Так, в ноябре 1745 г. начальство предписало: «подражной и ветхой немецкой Азбуки от берг-мейстера Мендерса не принимать и взыскать за нее с него от канцелярии надлежащее число денег»<sup>63</sup>.

Некоторые книги, увезенные с собой бывшими школьниками, оказались утерянными, ущерб возмещался так же деньгами, в пределах цены книги. В январе 1746 г. Сылвинская заводская контора прислала 10 коп. за немецкую Азбуку, утерянную работником П. Стуковым, в апреле 1746 г. контора Чусовских пристаней вернула в Екатеринбург немецкую Азбуку, изъятую у работавшего там Гилева, и 10 копеек, вычтенных с Бородина за такую же потерянную. Азбуку Канцелярия Главного заводов правления предписала «отдать в библиотеку с роспискою и содержать с прочими»<sup>64</sup>, из чего следует, что к 1746 г. начальство решило держать даже самые дешевые книги, не нужные в учебном процессе, не в книжных шкафах школы, а в Екатеринбургской библиотеке, по-видимому, чтобы лучше обеспечить их сохранность. С самого учителя Миссета за «неявившиеся» книги, которые он выдал на руки без соответствующей записи и не знал с кого спросить, надлежало взыскать в казну 1 руб. 5 коп.<sup>65</sup>

С одних выпускников книги собирались, другим выдавались вновь. В ноябре 1746 г. исполнявший обязанности унтер-шихтмейстера Панкрат Углев, посылавшийся уральским начальством в Нерчинск в качестве переводчика «при горных служителях-саксонцах с немецкого на руской язык писем», просил дать ему в поездку Лексикон. Приняв во внимание горький опыт утраты книг из-за отсутствия должного контроля, власти приказали: выдать ему Лексикон с распиской, при этом цену книги поставить на счет Нерчинского горного начальства, внести ее в список с прочими, имевшимися при начальстве. Регламентировался даже порядок пользования словарем: «буде Углеву зав-

сегда надобен, то быть при нем, пока он у того дела ... будет, а если временно, то содержать при начальстве»<sup>66</sup>. В апреле 1747 г. из Нерчинска отпрапортовали, что Лексикон внесен в роспись и отдан на руки Панкратову<sup>67</sup>. Из этого примера следует, что книги, необходимые для пользования специалистам, посылались с ними и в Сибирь.

В делах ГАСО нами обнаружены интересные сведения о том, что в 1752 г. Нерчинское горное начальство само проявило интерес к имевшимся в Екатеринбурге комплектам газет и журналов. Видимо, молва о них дошла и до Восточной Сибири через уральцев, которых немало трудилось на тамошних заводах. Были среди них и немецкие мастера, в первую очередь заинтересованные в чтении известий. Нерчинское горное начальство попросило Канцелярию Главного правления заводов выслать «авизии на российском и немецком языках», но уральские власти отказали, мотивируя тем, что «газеты сюда (в Екатеринбург – А.С.) присылаютца не для разсылок по заводам, но более для здешних школ» да и из-за отдаленности места «ко потрате их опасность предложит»<sup>68</sup>. В немецкой школе они хранились бережно: как в 1740, так и в 1745 г. числилось одно и тоже число экземпляров – 273.

Приведенные нами данные о составе книжного собрания немецкой школы, его использовании позволяют сделать вывод, что оно сыграло большую роль в овладении юными уральцами немецким языком, через него и другими сферами знания, позволило познакомиться с литературой и историей древнего Рима, с историей России, читать первые российские газеты и журналы на немецком языке. Книги для изучения самого языка были представлены лучшими изданиями как России, так и Европы. Они использовались выпускниками для совершенствования в языке по окончании обучения, вывозились на другие заводы не только Урала, но и Сибири.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> РГАДА. Ф.248. Оп.17. Д.1133. Л.27.

<sup>2</sup> См. подробнее об этом: Сафронова А.М. Роль В.Н. Татищева в открытии первых иноязычных школ на Урале и формировании кадров их учителей (1734–1739) // История образования и культуры Урала. Екатеринбург, 1998. С.3–17.

<sup>3</sup> РГАДА. Ф.248. Оп.17. Д.1133. Л.244.

<sup>4</sup> См: Нечаев Н.В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18 столетия. М., 1944; Бударин В.Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в

начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950; Пензин Э.А. Первые иноязычные школы Екатеринбурга // Народное образование на Урале в XVIII – нач. XX в. Свердловск, 1990.

<sup>5</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2321. Л.205–206.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф.248. Оп.17. Д.1133. Л.27.

<sup>7</sup> Там же. Л. 29 об.; ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.216. Л.5.

<sup>8</sup> ГАСО. Ф.129. Оп.1. Д.166. Л.12. Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т.2. С. 576.

<sup>9</sup> Там же. Д.41. Л.541–542.

<sup>10</sup> ГАСО. Ф.24. Оп. 1. Д. 561. Л. 248.

<sup>11</sup> Там же. Л. 250.

<sup>12</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.216. Л.116.

<sup>13</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.561. Л.223–224.

<sup>14</sup> Там же. Л.240–241.

<sup>15</sup> Там же. Л.288.

<sup>16</sup> ГАСО. Ф.129. Оп. 1. Д.166. Л.58.

<sup>17</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2321. Л.205–206.

<sup>18</sup> Там же. Д.561. Л. 157.

<sup>19</sup> Быкова Т.А. и Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати. 1708– январь 1725. М.;Л.:АН СССР, 1955; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800): В 5 томах. М., 1962–1967.

<sup>20</sup> См.: Ситников Л.А. Западноевропейская книга в Сибири во второй половине XVIII века // Книга в Сибири XVII-начала XX вв. Новосибирск, 1980. С.98–99. Вклейка.

<sup>21</sup> См.: Быкова Т.А. и Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати. С.251–252.

<sup>22</sup> Сводный каталог русской книги... Т.2. С.66.

<sup>23</sup> Там же. С. 385.

<sup>24</sup> Астраханский В.С. Каталог Екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры: Новые открытия. 1980. Л., 1981. С. 35.

<sup>25</sup> См.: Морозов А.А. М.В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711 – 1741. М.; Л., 1962, С. 268.

<sup>26</sup> Сводный каталог русской книги... Т.1. С.147–148.

<sup>27</sup> См.: Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время 1725 – 1740. Л., 1976. С. 77.

<sup>28</sup> Морозов А.А. М.В. Ломоносов. С.269.

<sup>29</sup> См.: Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. С.76.

<sup>30</sup> Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т.1. С.452.

<sup>31</sup> Там же. С.448.

<sup>32</sup> Там же. С.453.

<sup>33</sup> См.: Сводный каталог русской книги... Т.1.С.104.

- <sup>34</sup> Лутцов С.П. Книга в России в послепетровское время. С.80.
- <sup>35</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.41. Л.542–543.
- <sup>36</sup> См.: Берков П.Н. История русской журналистики XVIII в. М., 1952. С.56–63. Сводный каталог русской книги... Т.4. С. 51–52.
- <sup>37</sup> Сводный каталог русской книги... Т.4. С. 56–57.
- <sup>38</sup> Западов А.В. Русская журналистика 30-х – 60-х годов XVIII в. М., 1957. С.9.
- <sup>39</sup> Берков П.Н. История русской журналистики XVIII в. С.64–71.
- <sup>40</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.44. Л. 451.
- <sup>41</sup> Там же. Оп. 1. Д.624. Л. 695.
- <sup>42</sup> Там же. Д.691. Л.307.
- <sup>43</sup> Там же.
- <sup>44</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.41.Л.50.
- <sup>45</sup> РГАДА. Ф.271. Оп.1. Д.1082. Л.3–3 об.
- <sup>46</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.691. Л. 406–412.
- <sup>47</sup> См.: Гузнер И.А. В.Н. Татищев и просветительская деятельность урал-ло-сибирских библиотек в XVIII в. // Революционные и прогрессивные традиции книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1979. С. 12–13.
- <sup>48</sup> Новлянская М.Г. Иван Кирилович Кирилов. М.; Л., 1964. С.105.
- <sup>49</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.43. Л.284.
- <sup>50</sup> Там же.
- <sup>51</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2321. Л. 222–226 об.
- <sup>52</sup> Там же. Л.227 об.
- <sup>53</sup> Там же. Л.234–234 об.
- <sup>54</sup> Там же. Л.238–238 об.
- <sup>55</sup> Там же. Л.240.
- <sup>56</sup> Там же. Л.238–238 об., 244–245 об.
- <sup>57</sup> Там же. Л.240–242.
- <sup>58</sup> Там же. Л.252 – 255.
- <sup>59</sup> Там же. Л.253–253 об., 246.
- <sup>60</sup> Там же. Л.199 об.
- <sup>61</sup> Там же. Л.205–206.
- <sup>62</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.50. Л.541.
- <sup>63</sup> Там же. Оп.1. Д.2321. Л.213об.
- <sup>64</sup> Там же. Оп.12. Д.348. Л.212; Д.351.С.56–57.
- <sup>65</sup> ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2321. С.213об.–214.
- <sup>66</sup> Там же. Оп.12. Д.358. Л.147–148.
- <sup>67</sup> Там же. Оп.1. Д.1128. Л.386.
- <sup>68</sup> Там же.Оп. 12. Д. 426. Л. 196.